

A detailed illustration of a young man with brown hair, seen from behind, sitting on a stone ledge. He is wearing a dark green jacket and a large, olive-green tactical backpack. He is looking down a narrow canal. On the left side of the canal are tall, classical-style buildings with many windows. On the right side, a large, dark blue naval ship with multiple masts and antennas is moving towards him, creating a wake in the water. The sky is filled with dramatic, orange and yellow clouds, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is somber and contemplative.

Даниил Брелков

Пока мы спали

18+

Даниил Брелков

Пока мы спали

«Автор»

2026

Брелков Д.

Пока мы спали / Д. Брелков — «Автор», 2026

Один день. Один город. Одна война, которую никто не ждал. Студент Максим просыпается в шесть пятьдесят. Впереди — пары, маршрутка, скучная лекция. Он не знает, что к вечеру его города не станет. Капитан подводной лодки получает приказ, после которого слово «завтра» для миллионов людей перестанет существовать. Ему придётся выбирать: выполнить приказ или остаться человеком. А где-то между ними — политики, генералы, чиновники, которые уже всё решили. «Пока мы спали» — это не боевик. Это тихий, тяжёлый рассказ о том, как рушится мир, пока обычные люди живут свою обычную жизнь. Здесь нет героев. Здесь есть только страх, холод, пепел и тишина. И один-единственный вопрос: а что ты сделал, пока мы спали?

© Брелков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Пока мы спали»	5
От автора	5
Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Даниил Брелков

Пока мы спали

«Пока мы спали»

От автора

Автор заранее приносит извинения всем генералам, политикам и чиновникам, которые случайно совпадут по описанию с персонажами этой книги. Но, честно говоря, если вы генерал и читаете это – скорее всего, у вас есть дела поважнее. Если же вы чиновник и узнали себя – возможно, стоит задуматься о смене профессии, а не о судебном иске. Всё написанное – выдумка, художественное видение автора, даже то, что кажется правдой.

Пролог

«Самый несправедливый мир я предпочитаю самой справедливой войне».

— Марк Туллий Цицерон, «Письма к близким», около 46 г. до н. э.

Как часто вы замечали, насколько быстро меняется окружающий нас мир? Вас никогда не волновал тот факт, что повлиять на это вы никак не можете?

Ваша жизнь, жизнь ваших друзей и близких, всецело зависит от решения очень узкого круга лиц, что в угоду своим интересам могут пожертвовать вами, записав в статистические потери. Для них вы лишь цифра в таблице Excel, которая вряд ли испортит им аппетит, будь она озвучена во время еды.

Это происходит повсеместно. Любая, казалось бы мелкая, война – может, её даже развязали истинные патриоты, по крайней мере они себя таковыми считали, – но в конце концов всё в свои руки брала небольшая группа лиц. Тех, что не задумываясь отправляли на смерть тысячи, а потом кичились тем, что выиграли эту самую войну, загребая все возможные лавры своими не знающими меры руками.

Так было и сейчас. Точнее, могло бы быть, не потеряй весь высший свет голову от жадности. Каждый глава государства со своей сворой прикормленных псов жаждал больше власти, больше влияния, больше денег – в целом всего, что сулит победа в, казалось бы, небольшой начавшейся войне. В таких условиях никто не смог бы проиграть достойно. Смотреть, как тебя лишают твоего положения в мире, скорее всего, было невыносимо.

Годы нескончаемых разглагольствований по телевидению о том, какие плохие у нас соседи. Как несправедлив с нами мир, и о том, что в наших силах всё исправить. Казалось бы, следовавший за этим небывалый патриотический подъём, что был готов оправдать любые зверства наших чиновников, генералов и прочих лиц, что могли бы быть к этому причастны.

Полгода провокационных военных учений на границах со странами, что так активно демонизировались телевидением. Стоит признать, по ту сторону было всё то же самое. Та же пропаганда, те же учения, те же регулярные провокации с целью выяснить границы дозволенного.

Регулярные политические дебаты, на которых, как казалось, обсуждались вопросы чуть ли не вселенского масштаба. С таким остервенением они кричали друг на друга, поливая водой из пластиковых стаканов, и матерились на всю страну.

Для большинства это стало привычным фоном, частью повседневной жизни. Редко кого беспокоило очередное послание друг другу с взаимными претензиями от глав нескольких государств. Не побеспокоил и всепланетный рост военной машины, что, казалось бы, для человека думающего было бы звоночком. Никто не наращивает армию только для того, чтобы кормить эту ораву голодных мужиков. Но для большинства это не было проблемой. Это не было ничем. Этого просто не замечали, полагая, что наверху лучше знают, как надо жить.

Никто не забеспокоился, когда одна из больших стран направила своих зелёных человечков под прикрытием, в небольшую прибалтийскую республику. Возникло лишь всеобщее

ликование граждан этой страны, когда через тридцать четыре часа над столицей той самой республики вознесся трёхцветный флаг.

Люди в высоких кабинетах по ту сторону конфликта приняли очевидное, но неприятное никому решение. Страны Европы мобилизовались, ожидая продолжения эскалации. Большой же заморский брат направил свои флотилии к берегам страны, что являлась третьей в списке самых северных.

Но всему должна быть мера, а как я уже сказал, чувство меры было потеряно...

12.04.2023; 13:34 по местному времени.

Остров Хоккайдо, территориальные воды Японии.

3-й флот ВМС США, 11-я ударная авианосная группа.

Капитанская рубка авианосца USS Nimitz (CVN-68).

— Сэр, радар показывает три быстро приближающихся объекта. Себя не идентифицируют, направление... Направляются от Хабаровска.

— Скорость, подлётное время?

— Сэр, скорость составляет 500 миль в час. Подлётное время при той же скорости и курсе – три часа, пятьдесят две минуты, сэр.

— Предположение, что это?

— Сэр, судя по сигнатурам, это не ракеты. Можно определить как истребители Су-57, сэр.

— Пилотам боевая готовность, развернуть корабельные системы ПВО. Если через двадцать минут не выйдут на контакт – уничтожить.

— Есть, сэр.

Капитан Майкл Харрис сжал кулаки, но больше никак не выказал беспокойства. Проклятые русские устроили серьёзную заварушку в Прибалтике, а теперь он должен сидеть здесь и ждать нового удара. Что самое паршивое – он не знал, удар ли это. Ему очень не хотелось стать человеком, с чьей лёгкой руки начнётся Третья мировая война.

Напряжение, воцарившееся на капитанском мостике, прервал окрик специалиста связи:

— Сэр, передача от пятой авианосной группы седьмого флота. Капитана Джеймса Ричардсона.

— Докладывай, — кивнул Харрис. Ему всё меньше это нравилось.

— Тихоокеанские силы Китая, Северной Кореи и России вышли из своих портов приписки. Манёвры проводятся в сторону Тайваня и Японии.

Тут же раздался крик специалиста связи на прямом соединении с Пентагоном:

— Сэр, верховное командование передаёт полную боевую готовность, сэр!

Харрис, обычно спокойный, покраснел, словно спелый томат, и подскочил со своего кресла.

— Проклятье! Что творят эти ублюдки?! Приказ пилотам: подняться в воздух. Сопроводить эти три объекта. В случае сопротивления – уничтожить.

Он ждал, понимая, что, возможно, всё-таки станет человеком, сделавшим первый выстрел...

12.04.2023; 06:46 по местному времени.

Польша, Варшава, Генеральный штаб Войска Польского.

Начальник Генерального штаба ВС Польши, генерал Марек Вырублевский.

Вырублевский стоял, склонившись над картой местности, наиболее вероятной для первого удара восточного соседа. Стоял, борясь со страхом, что вскоре весь привычный мир может быть разрушен. Русские устроили знатный переполох с Нарвой, заставив напрячься все страны Европы, в особенности Восточной. Из размышлений его вырвал голос штабного связиста:

— Пан генерал, пограничники передают об активности на границе. Несколько постов в районе Сувальского коридора не выходят на связь.

— Курва, — тихо ругнулся генерал. — Поднять беспилотники в воздух. Свяжитесь с командиром шестнадцатой механизированной дивизии. Приказ: в случае попытки прорыва привести в исполнение план «Сдерживания». И ещё – дайте связь с контингентом США. Судя по всему, нам понадобится их помощь.

12.04.2023; 06:46 по местному времени.

Республика Беларусь, Гродненский район, деревня Лесная.

Командир 76-ой гвардейской десантно-штурмовой дивизии, полковник Игорь Фролов.

В полевом штабе, развёрнутом в деревеньке на границе Польши и Беларуси, находилось всё командование воздушно-штурмовой дивизии. Штабные связисты не переставая обменивались информацией с подчинёнными на местах, передавая непосредственным командирам всю картину с мест событий.

Фролов стоял и взирал на это всё. Он получил приказ перейти границу и пробить коридор до Калининградской области. Ему это не нравилось. Очень не нравилось. Одно дело – когда говорят о защите нашей земли, другое – когда имеется приказ атаковать.

Он понимал, что, возможно, своими действиями развяжет войну, какой человечество и планета в целом ещё не видели. Но приказ есть приказ. В конце концов, он давно подозревал нечто подобное. Их готовили к этому.

Послышался голос радиста, что-то невнятно протараторившего. Капитан разведроты кивнул и быстрым шагом направился к Фролову. Заговорил на ходу:

— Товарищ полковник, мои ребята нейтрализовали часть постов. Можем пускать колонны в прорыв.

Полковник лишь кивнул. Голову занимали другие мысли: что они сейчас творят. Это будет война, определённо. Но присяга не оставляла выбора. Сглотнув вставший в горле ком, сказал:

— Командирам сто четвёртого и сто двадцать четвёртого полков: выдвинуться и овладеть заданными рубежами согласно плану.

**12.04.2023; 00:11 по местному времени.
США, Колорадо-Спрингс, командный центр NORAD.**

На огромном экране, занимавшем всю стену, высветились алые точки. Одна. Вторая. Третья. Четвёртая.

Генерал-лейтенант ВВС США Дэвид Митчелл стоял перед картой, заложив руки за спину. Он не шевелился уже минуту – с того самого момента, как спутниковая разведка обновила данные.

— Сэр, подтверждение от Разведывательного управления. Четыре российские АПЛ класса «Борей» покинули пункты базирования. Ещё две – класса «Ясень» – вышли из Североморска. Рассредоточиваются в Норвежском и Баренцевом морях.

Митчелл молчал. Он знал, что это значит. Сводки из Сувальского коридора были неутешительными: польские силы терпели поражение, не в состоянии остановить прорывавшихся русских десантников. Связь с американским контингентом в том районе была потеряна практически в самом начале. Военная база «Рамштайн», центр американской силы в Европе, приведена в полную боевую готовность и собиралась выдвинуться к линии соприкосновения.

— Связь с Пентагоном, — сказал он. — И Белый дом. Немедленно.

**12.04.2023; 16:12 по местному времени.
Корейский полуостров, демилитаризованная зона. КПП «Пханмунджом», северная сторона.**

Капитан Корейской народной армии Ли Мён Су стоял у шлагбаума и смотрел на южную сторону. Там, в трёхстах метрах, за бетонными надолбами, американские и южнокорейские солдаты занимали позиции. Они видели друг друга. Всегда видели. Но сегодня что-то изменилось.

— Товарищ капитан, получен приказ, — связист подбежал, запыхавшись. — Приказ: перейти линию разграничения. Начать наступление на Сеул.

Ли Мён Су сжал челюсти. Он ждал этого приказа с того дня, как надел форму. Ему практически с рождения говорили, что роль КНДР – в объединении Корейского полуострова.

Но сейчас, когда приказ прозвучал, внутри что-то оборвалось. Он знал: обратной дороги не будет. Мир уже не станет прежним.

— Передать всем подразделениям, — сказал он. — Двигаемся согласно плану.

Тем временем в районе Пхеньяна разворачивались комплексы ПВО. Силы ядерного сдерживания КНДР получили приказ перейти в полную боевую готовность. Предполагаемые цели: Сеул, Токио, Кадена, Окинава.

**12.04.2023; 04:14 по местному времени (Вашингтон, DC).
Белый дом, Ситуационная комната (Situation Room).**

Президент США Эндрю Кейн сидел во главе длинного стола из тёмного дерева. Он не спал уже тридцать шесть часов. Галстук был ослаблен, рукава белой рубашки закатаны по локоть – образ, который его пиарщики называли бы «президент в действии», но сейчас он просто выглядел уставшим стариком.

Перед ним на экранах мелькали карты. Польша. Корея. Тайвань. Хоккайдо. Везде горели красные метки.

— Так, — сказал он, потирая переносицу. — Ещё раз. Медленно. Как мы к этому пришли?

Генерал Дэвид Митчелл из NORAD стоял у монитора, нервно постукивая пальцем по столу. Рядом с ним – директор ЦРУ Маргарет Хейз и советник по национальной безопасности Роберт Флинн. Оба выглядели так, будто знатно вчера погуляли. На деле же это была усталость и шок от всего что происходит в мире.

— Господин президент, — начал Флинн, — у нас подтверждённая информация о том, что российские войска пересекли границу Польши в 06:46 по местному времени. Одновременно с этим три российских истребителя вошли в зону ПВО Третьего флота у Хоккайдо. КНДР начала передислокацию войск к демилитаризованной зоне в тот же временной интервал.

— Я знаю, чёрт возьми! — Кейн стукнул ладонью по столу. — Я спрашиваю: почему?

Повисла гнетущая тишина. Слышно было только гудение вентиляции и далёкий гул генератора.

Директор ЦРУ, Маргарет Хейз, женщина с ледяным взглядом, которая никогда не теряла самообладания, медленно подняла глаза. В них впервые за её карьеру мелькнуло что-то похожее на страх.

— Господин президент, — сказала она тихо. — У нас нет ответа.

— Как это – нет?

— Мы подняли все возможные каналы связи. Спящих и действующих агентов. Мы анализировали тонны данных за последние семьдесят два часа. Нет ни одного признака того, что Москва планировала полномасштабное вторжение в Европу. Наши источники внутри Кремля... — она запнулась, — они ничего не знали.

Митчелл хмыкнул, не скрывая горечи:

— Это не план, господин президент. Это... это похоже на то, как если бы каждый генерал проснулся и решил, что сегодня – тот самый день. Синхронно. Без приказа сверху. Без предупреждения.

Флинн шагнул вперёд, поправляя очки:

— Мы пытались связаться прямой линией. С Москвой. С Пекином. С Пхеньяном. С Нью-Дели и Тегераном. Никто не отвечает. Все линии молчат.

Кейн медленно встал из-за стола, подошёл к огромному экрану, где горели точки разгоравшихся конфликтов. Нажал на одну из них – Польша. Спутниковый снимок показывал колонны бронетехники, движущиеся по шоссе. Горящие деревни. Беженцы, бегущие пешком вдоль дорог.

— Они сошли с ума, — сказал он шёпотом. Не вопрос. Утверждение.

— Господин президент? — переспросил Флинн.

Кейн обернулся. Глаза его были красными, но сухими.

— Я сказал: они сошли с ума. Все. Москва, Пхеньян, Пекин и все остальные. Они ведут себя так, будто их всех привели в одно место и сказали: «Давай, нажми на спуск». И они нажали.

Он провёл рукой по лицу.

— Мы тоже на грани, — продолжил он тише. — Наши передовые части в Европе уже в бою. У нас нет выбора. Если мы не ответим, наши союзники будут уничтожены. Если ответим – мы начнём цепную реакцию, которую уже не остановить.

Хейз подняла на него взгляд:

— У нас есть «ядерный чемоданчик», господин президент. У нас есть протоколы. Но если мы их применим... даже в ответном ударе... — она замолчала.

— Знаю, Маргарет, — сказал Кейн. — Знаю.

Он подошёл к окну, раздвинул тяжёлые шторы. За окном Белого дома был ясный, солнечный день. По Пенсильвания-авеню ехали машины. Люди гуляли с собаками. Кто-то сидел на скамейке с кофе.

— Я смотрел на это каждое утро четыре года, — сказал он, не оборачиваясь. — И всегда думал: «Ну, может, не сегодня». А сегодня – сегодня всё кончилось.

Флинн шагнул ближе:

— Господин президент, мы должны принять решение. Российские подлодки класса «Борей» уже в море. Британцы подтвердили повышение боеготовности своих сил. Франция также приводит в готовность свои ядерные силы.

Кейн повернулся. Медленно. В его глазах больше не было отчаяния. Только холодная, ледяная решимость.

— Роберт, свяжите меня с премьер-министром Британии. И с канцлером Германии. Сейчас же.

— Сэр, но связь...

— Свяжите, чёрт возьми! — рявкнул президент. Голос сорвался на хрип. — Я хочу услышать их голоса. Я хочу знать, что я не один тут сижу с этим... с этим безумием в руках.

Он сел обратно в кресло, сжав подлокотники так, что побелели костяшки пальцев.

— Мы ещё не нажали на спуск. Мы не ответили. Пока. Но если они сделают ещё один шаг... — он замолчал, глядя в пустоту перед собой. — Если они сделают ещё один шаг, Роберт, я отдам приказ. И тогда у нас не будет войны. У нас будет конец.

Он поднял глаза на генерала Митчелла.

— Дэвид, сколько у нас времени до того, как мы будем обязаны ответить?

Митчелл посмотрел на часы, затем на планшет.

— Если российские Су-57 не изменят курс... примерно сорок минут до того, как они войдут в зону поражения наших систем ПВО. Ещё час после этого – до того, как мы сможем оценить, был ли это удар.

— Хорошо, — кивнул Кейн. — У нас есть час. Час, чтобы выяснить, кто из нас сошёл с ума первым.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Боже милостивый, — прошептал он так тихо, что никто не услышал. — Что мы наделали?

Обычные люди, граждане Мира, может, и ощущали сгущавшиеся над ними тучи, но, как всегда, смотрели на всё сквозь пальцы. «Моя хата с краю» – принцип, свойственный любому человеку любой национальности.

Впрочем это не мешает хвататься за голову, когда беда постучится именно к ним в дом. Но даже тогда, зачастую, у них не выходит отследить причинно следственных связей приведших к такому событию. Они обвиняют всех вокруг, но главный вопрос проходит мимо них – а что ты, да-да, лично ты сделал, чтобы этого не произошло?

Глава 1 «Нам-то что?»

«Нужно всегда думать о ближайшей опасности. О сегодняшней. А завтра — о завтрашней»

— *Эрих Мария Ремарк, роман «Искра, 1952 год.*

06:50. Пробуждение.

Будильник. Самый мерзкий звук что может услышать человек. Телефон на тумбочке вибрирует, елозит по дереву. Максим нашаривает его вслепую, смахивает будильник. Шесть пять-десять. Среда, что для студента не значит ничего, кроме того, что впереди ещё четыре дня бесполезных пар с нудными лекциями.

За окном ещё темно – в Новосибирске середина апреля, день только-только начинает отвоёвывать пространство у ночи.

Он лежит минуту, глядя в потолок. Трещина в штукатурке, старая, ещё с прошлого года. Местами отклеивающиеся обои, под которыми видны старые, советские газеты. Потом наконец заставляет себя сесть. Голова тяжёлая – вчера сидели с однокурсниками в «Шашлыкоff», взяли по паре пива, потом ещё по паре. Ничего особенного, обычный день студента после пар, но утром организм мстит.

Босые ноги на холодном линолеуме. Он ёжится и идёт в ванную. Включает тусклый, желтый свет и сначала просто стоит, опершись на раковину, и глядя в зеркало. Потом холодная вода в лицо, в ладони, на затылок. Фыркает. Просыпается.

На кухне – чайник. Он ставит его и включает телевизор. Старый ящик, от хозяев квартиры. Экран загорается, и он видит не утреннее шоу, а новости. Ведущая – серьёзная, без обычной улыбки. За спиной – карта Японского моря.

Максим наливает кипяток в кружку, кидает туда спутавшийся клубок использованных чайных пакетиков. Слушает краем уха: «...неопознанные объекты, приближающиеся к авианосной группе США...», «...Минобороны РФ опровергает...». Он морщится – опять. Каждый день одно и то же. То Нарва, то учения, теперь вот это.

Он не выключает телевизор, но перестаёт слушать. Идёт одеваться.

07:15. Сборы.

Комната маленькая, десять метров. Кровать, стол, шкаф, пустой угол с гантелей, которую он не трогал месяц. На столе – ноутбук, пустая кружка, зарядка, какая-то мелочь. Он натягивает джинсы, футболку, сверху толстовку с капюшоном. Куртка – на вешалке у двери.

Сумка. Он бросает туда толстую тетрадь – одну «на все случаи жизни». Ручка, карандаш, пауэрбанк, наушники. Всё, что нужно студенту для успешного просиживания учебных часов.

Телевизор продолжает говорить. Он уже не слушает – просто фон.

07:30. Выход из дома.

Лестница старой пятиэтажки пахнет сыростью и кошками. Он спускается, перепрыгивая через ступеньку. На улице перед подъездом – баба Зина, соседка. Сидит на лавочке, как всегда. Ей, наверное, лет восемьдесят, и она, кажется, вообще не спит – всегда на своём посту.

— Опять опаздываешь, Максимка? — шурится она.

— Ага, — он улыбается, на ходу натягивая шапку.

— Там в телевизоре страсти какие-то, видал?

— Да всё нормально, баб Зин. Не переживайте. Там всегда одни страсти.

Он выходит на улицу. Холодный воздух бьёт в нос. Сугробы у подъезда почернели, но ещё держатся. Под ногами хлюпает. Он обходит лужу, перепрыгивает через ручей талой воды и идёт к остановке.

07:45. Остановка.

Покосившаяся, ржавеющая остановка. Люди. Много людей. Все сонные, кутаются в куртки. Кто-то курит, кто-то смотрит в телефон. Максим встаёт в сторонке, достаёт наушники. Включает плейлист – что-то спокойное, инди. Маршрутка приходит через семь минут.

Он заходит, кидает мелочь водителю, садится у окна, опередив какого-то мужика. Стекло запотевшее. Он протирает рукавом – за окном проплывают панельные пятиэтажки, выцветшие вывески, ущербные дворы Ленинского района, с покосившимися качелями и старыми советскими горками.

В маршрутке тихо. Только радио бубнит. Он прикрывает глаза. Можно подремать минут двадцать.

08:30. Универ.

Старое здание, советская постройка. Внутри – запах хлорки и пыли. Максим поднимается на третий этаж, в аудиторию. Пара – философия. Преподаватель, старик с седой бородой, уже на месте. Он всегда приходит раньше всех.

Максим садится на задний ряд. Достаёт тетрадь, но не открывает. Телефон – под партой. Листает ленту. Мемы, фотки с вечеринки, новость про «Су-57 над Тихим океаном». Он пролистывает. Потом возвращается. Читает. «Минобороны опровергает». Ну, опровергают же. Значит, всё нормально.

Дима, сосед, плюхается рядом:

— Слышал? Говорят, поляки что-то мутят на границе.

— Да ладно, — Максим отмахивается. — Опять вброс.

— Ну может и так.

Философ начинает лекцию. Кант. Категорический императив. Максим смотрит в окно. За окном – серое небо, ветки деревьев без листьев. Голуби на карнизе.

10:10. Перемена.

Он выходит в коридор. У окна – кучка студентов. Обсуждают новости. Кто-то говорит, что видел видео из Польши. Кто-то – что это фейк. Взъерошенный парень с третьего курса почти кричит:

— Да начнётся война, и чё? Нам-то что?

— Ты дурак? — отвечает ему девушка. — У нас тут ядерные объекты. Если начнут бомбить – мы первые в очереди.

Максим проходит мимо. Ему не хочется в это ввязываться. Он вообще считает, что мало на что может повлиять сам по себе. Взять даже историю с Нарвой, с недавним вводом туда войск. Да, он был против. Но он не вышел на улицу, как и многие ему подобные. У него же была веская причина – пригрозили, что каждого, кого поймают на митинге, отчислят. Побоялся. Побоялся жертвовать чем-то ради своих убеждений, но себе в этом не признавался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.